

На правах рукописи

Андронов
Илья Евгеньевич

**МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI ВЕКА**

Раздел 07.00.00 – исторические науки

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на факультете иностранных языков и регионоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Официальные оппоненты:

Бобкова Марина Станиславовна
доктор исторических наук
главный научный сотрудник
руководитель Центра истории исторического знания
ФГБУН Институт всеобщей истории Российской академии наук

Прокопьев Андрей Юрьевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Заведующий кафедрой истории средних веков

Девятайкина Нина Ивановна
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.»

Ведущая организация:
Центр изучения религий
ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится «_____» _____ 2016 г. в _____ на заседании Диссертационного совета Д501.002.12 на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. _____

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (Москва, Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте по адресу: www.hist.msu.ru/Science/Disser/Andronov.htm.

Автореферат разослан «_____» _____ 2015 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

Общая характеристика работы

Актуальность и научная значимость темы. XVI век – особенное время в европейской интеллектуальной истории. Реформация, волна географических открытий, укрепление крупных централизованных королевств, другие факторы повлекли за собой глубокие перемены в мировоззрении европейцев, ускоренное развитие наук и технологий. Вследствие ряда факторов церковная историография стала одной из актуальнейших гуманитарных дисциплин: впитав достижения предшествующей эволюции исторического знания и всё лучшее из арсенала ренессансной истории, она получила мощный дополнительный толчок, связанный с актуализацией исторического материала для идеологических баталий. Ведущие лютеранские интеллектуалы усмотрели огромный потенциал в переводе антикатолического дискурса в плоскость церковной истории, несмотря на то, что к этому времени церковная история находилась на обочине интересов гуманистической науки.

Важную роль в подготовке европейской идейной среды к новаторским концепциям в церковной историографии сыграла историческая литература 30-40-х годов XVI века. После некоторого упадка читающее общество западноевропейских стран обнаружило новый интерес к разнообразным жанрам историописания, и книжный рынок оказался быстро заполнен разнообразными «хрониками», «анналами», «историями». Тридентский Собор углубил идеологическое противостояние, способствовал консолидации не только католического, но и протестантского лагеря. Во второй половине XVI века именно церковная историография стала одним из наиболее массовых жанров исторической литературы.

Крупнейшим произведением этого периода является подготовленная группой историков-лютеран под руководством М. Флация «Церковная

история»¹. Эта книга, вскоре получившая название «Магдебургских центурий», стала первым в историографии коллективным сочинением, первой реконструкцией многих веков христианской истории строго на основании документов; первым сочинением, авторы которого разрабатывали научные методы работы с источниками, свободные от давления идеологии. Результатом этих новшеств стало создание глобальной исторической концепции христианской церкви. Попытки римской Курии противопоставить этой концепции своё видение истории церкви не сразу увенчались успехом, однако к концу XVI века уровень сочинений оппонентов был в целом достигнут. Высшей точкой развития католической историографии стали «Церковные анналы» Чезаре Баронио². В результате роста профессионального мастерства историков, изменения и усовершенствования критериев исторического исследования церковная историография не только достигла к концу столетия высокого уровня, но и повлияла в дальнейшем на другие отрасли исторического знания.

Межконфессиональная полемика выступила мощным стимулом роста интереса к истории, способствовала актуализации информации о прошлом для потребностей идеологического противостояния. В печати вышли десятки томов исторических сочинений, по-разному освещавших события церковной истории. Несмотря на очевидную важность для судеб исторического познания в последующие столетия, эта линия развития историографии до сих пор не получила комплексного рассмотрения. Большинство имеющихся исследований церковной историографии придерживаются только одной стороны межконфессионального конфликта; существующие комплексные работы, как правило, не выделяют церковную историографию в отдельную дисциплину, следовательно, не видят основополагающей роли межконфессионального диспута в эволюции историописания.

¹ *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. 13 vv. Basileae, Oporinus, 1559-74.*

² [Baronius C.] *Annales Ecclesiastici. 12 vv., Romae, 1588-1607.*

Все эти соображения, в сочетании с совершенно недостаточной разработанностью данной проблематики в отечественной науке, определяют актуальность предпринятых нами изысканий.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является историческая мысль Западной Европы в области истории христианской церкви в связи с общественной мыслью в контексте конфликта между лютеранской и католической церковной идеологией в XVI веке. Предметом исследования являются сочинения по истории церкви множества авторов: сочинителей популярной литературы, публикаторов-гуманистов, философов и мыслителей, затем – лютеранских и католических церковных историков. Из всех сочинений по истории церкви XVI века отобраны те, в которых содержится целостная концепция, охватывающая всю христианскую эру, либо те, которые сыграли важную роль в межконфессиональной полемике. Кроме того, в орбиту работы включены актуальные в XVI веке сочинения о методах гуманитарных наук (Кано, Флаций), характеризующие межконфессиональную дискуссию публицистические сочинения, памфлеты, а также переписка историков и черновики некоторых их сочинений.

Источниковая база исследования. Вполне закономерно, что основой источниковой базы исследования по историографии являются сочинения историков. Были привлечены несколько десятков работ как церковных историков в полном смысле слова, так и авторов, широко включавших церковно-исторический материал в свои произведения. Главным критерием было наличие концепции и общественный резонанс работы. Более того, важным было использование более поздними историками трудов более ранних в качестве предшественников. В коллекциях библиотек Москвы (Музей книги РГБ), Петербурга (коллекции РНБ и БАН), Флоренции (Центральная национальная библиотека), Рима (Центральная национальная библиотека), Вольфенбюттеля (Библиотека герцога Августа) были изучены труды Беата Ренана, К. Хедио, Х. Эгенольфа, С. Франка, Ф. Меланхтона, М. Флация, М. Бухингера, К. Брауна, В. Айзенграйна, П. Канизия, Ф. Торреса,

О. Панвинио и Ч. Баронио, а также ряда историков меньшего масштаба. Особенную ценность представляли источники (книги, переписка и другие рукописные тексты), выкупленные в 1597 году у наследников М. Флация и хранящиеся в Вольфенбюттельской Библиотеке герцога Августа.

Помимо сочинений историков, были привлечены также тексты других жанров. Прежде всего, это памфлеты и другая полемическая литература, воссоздающая процесс работы над «Магдебургскими центуриями», конфликт между идеологами этого труда Меланхтоном и Флацием Иллириком. Эмоциональные и хлесткие, написанные замечательной латынью тексты сопровождали выход крупных сочинений и должны были усиливать произведённый ими разрушительный эффект в стане врага. Архивный элемент источниковой базы данной работы представлен перепиской Флация Иллирика с единомышленниками, спонсорами, членами авторского коллектива, представителями властей, агентами и другими персонажами.

Хронологические рамки исследования. В данной работе рассматриваются сочинения об истории церкви, вышедшие после пробуждения интереса к церковной истории в результате проповеди Мартина Лютера и последовавших событий в религии и политике. Сочинения по церковной истории предшествующего периода (1500-1525 гг.) не отличались массовостью, не содержали в подавляющем большинстве цельных концепций и были повторением давно устоявшихся точек зрения и католической церковной доктрины. Тем не менее, в нашей работе дана общая характеристика и ситуации, сложившейся к началу оживления в церковной историографии.

Первая волна межконфессиональной полемики, связанная с публикацией «Магдебургских центурий» и с последующими выступлениями против них католической стороны, целиком укладывается в рамки XVI века. Конец XVI столетия ознаменовался крупными достижениями католической историографии, в первую очередь – выходом «Церковных анналов» (1588-1607 гг.). Хронологически они принадлежат как XVI, так и XVII столетию;

тематически, бесспорно, они стали точкой отсчёта для нового витка эволюции истории как науки, объектом сравнения для всех последующих крупных работ от болландистских «Деяний святых» до шедевров бенедиктинской историографии. «Церковные анналы» лишь в некоторой степени были «ответом» на «Магдебургские центурии»; отчасти этот ответ уже был дан в лучших работах историков-католиков предшествующего периода. «Анналы» были построены не на «противоположных» ответах на поставленные центуриаторами вопросы, а на самостоятельной, масштабной реконструкции, на ином экспозиционном и композиционном принципе, на ином методе. Наконец, Баронио всячески избегал «программного» противопоставления своей книги книге Флация и его товарищей, предлагая внешне абсолютно не зависимую от политических страстей картину. Данные соображения уполномочивают нас, во-первых, включить «Церковные анналы» полностью в рамки нашего исследования, во-вторых, ограничиться серьёзным, но несколько менее детальным их анализом по сравнению с анализом «Центурий».

Цели и задачи исследования. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы, изучив наиболее значимые произведения западноевропейской церковной историографии XVI века, обстоятельства их появления в печати, общегуманитарный, политический и религиозный подтекст, а также вызванный ими резонанс, выявить и оценить прогресс, достигнутый церковной историографией этого периода в области философии истории, методологии и техники исторического исследования, приёмов сбора источников и работы с ними. Для достижения данной цели формулируются следующие задачи:

- рассмотреть сложившуюся к началу межконфессиональной дискуссии традицию церковной историографии в достижениях историков-гуманистов, философов, богословов; исследовать и описать «локальный метод», примеры его применения вне межконфессиональной дискуссии;

- определить процессы, приведшие к значительному оживлению историко-церковной дискуссии в начале межконфессиональной дискуссии, а также к началу систематического привлечения исторического материала для критики практик римской церкви;

- изучить объективную необходимость и практическую реализацию замысла «Центурий», конкретное его воплощение; с этой целью необходимо изучить деятельность М. Флация и его единомышленников, процесс формирования лютеранской историко-церковной доктрины, в том числе – в ряде ранних публикаций 1550-х годов;

- всесторонне исследовать «Магдебургские центурии» – важнейший труд лютеранской церковной историографии, поворотный пункт эволюции церковной историографии XVI века в самом широком плане; для этого необходимо оценить метод подбора источников и обработки предложенных ими сведений, принципы систематизации полученных материалов, классификации исторического знания, композиционные решения, географический кругозор, критерии оценки представителей различных социальных групп, языковую и эрудитскую подготовку авторов в области Священного Писания, древних языков, античной и средневековой истории, а также – в самых общих чертах – в наиболее актуальных аспектах богословия;

- оценить новаторство «Центурий» в вышеописанных сферах, изучив также неопубликованные черновые материалы и переписку участников проекта для определения нереализованных перспектив;

- изучить католический «ответ» «Центуриям», и с этой целью систематизировать «антимагдебургскую» литературу, предложить периодизацию «ответа», определить наиболее характерные черты самых резонансных текстов католического лагеря;

- изучить вопрос о полноценности католического «ответа» к концу 1580-х годов, а также о соответствии «Церковных анналов» Ч. Баронио новым критериям, выработавшимся в ходе историко-церковной полемики;

для этого следует изучить «Анналы» и сопоставить полученные результаты с результатом исследования «Магдебургских центурий»;

- наконец, подвести итог стимулам, полученным исторической наукой от межконфессиональной дискуссии, и достигнутым результатам; оценить прогресс в области истории церкви, степень сформированности этой сферы знания как особой отрасли историописания к концу XVI века.

Методологическая основа исследования. Исследование по историографии может и должно представлять собой комбинацию различных методов, каждый из которых позволяет подчеркнуть те или иные аспекты эволюции исторического знания в целом и его составных частей – философии истории, методологии, источниковедения, композиции произведений и других. Работа основана на принципе объективности и историзма, что позволяет провести изучение исторических явлений в динамике их развития в контексте глубокого религиозного конфликта, расколовшего западноевропейское общество в XVI веке. Проблемно-хронологический метод предполагает рассмотрение отдельных факторов развития историографии и сопредельных областей гуманитарного знания, сопоставляя их с развитием общенаучной проблематики в атмосфере глубоких изменений в религиозном и светском мышлении европейцев. Текстологический и герменевтический анализ источников сочетается с применением некоторых элементов микроисторического подхода, позволяющего, в частности, уяснить функционирование конкретных исследовательских приёмов и технологий.

Научная новизна исследования. Данная работа представляет собой первую на современном этапе попытку реконструкции западноевропейской церковной историографии XVI века в целом, в которой мы не ограничиваемся отдельными линиями – католической или протестантской. Это позволяет, во-первых, впервые предложить в качестве самостоятельного объекта исследования историографию 1530-40-х годов, чаще всего избегающую очевидного позиционирования в межконфессиональном

конфликте, а также тексты, тематика которых выходит за пределы церковной истории. Во-вторых, становится возможным не только определить основные этапы генезиса лютеранской историографии, но и выстроить параллельную (несколько запаздывающую во времени) структуру для католической; их сопоставление (ранее детально не проводившееся) позволит увидеть динамику межконфессионального конфликта с новой, ранее не известной стороны. Наконец, комплексное исследование церковной историографии Западной Европы позволяет точнее определить её место в структуре гуманитарного знания XVI века; это позволит в дальнейшем исследовать обильную и разнообразную церковную историографию последующей эпохи не «на пустом месте», а основываясь на полученных в данной работе результатах. В российской историографии нет специальных работ, отдельно посвященных западноевропейской церковной историографии XVI века.

Практическая значимость работы. Содержащийся в работе фактический материал, выводы и положения могут быть использованы в научно-педагогической практике в курсе историографии истории церкви, а также в общих курсах по историографии Раннего Нового Времени, истории культуры, истории отдельных европейских стран, религиозной истории XVI века. Кроме того, они могут использоваться при дальнейшей разработке широкого круга проблем истории Реформации и Контрреформации, методологии изучения историографии, а также в комплексных междисциплинарных исследованиях.

Апробация исследования. Основные положения работы были изложены автором на международных и всероссийских конференциях (в том числе Форли 1999, Венеция 2001, Аоста 2012, Сан-Хуан 2013, Нью-Орлеан 2014, Лёвен 2015), а также в 32 научной публикации объёмом свыше 27 п. л., в том числе в 16 научных публикациях (около 14 п. л.), изданных в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК РФ (всего соискатель имеет 67 печатных работ). Работа была обсуждена на

кафедре итальянского языка, а также на кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки МГУ имени М. В. Ломоносова.

Обзор историографии. Конфессионально-политическая ангажированность темы сошла на нет лишь в начале XIX века. Первым проявлением новой философии истории стал справочник «История и литература по церковной истории» К. Ф. Штойдлина, изданный посмертно под редакцией Й. Т. Хемзена³. Этот труд установил некоторые нормы, впоследствии принятые в компендиумах по церковной историографии. Прежде всего, изучение её начиналось с новозаветных текстов, затем охватывало всё церковно-историческую традицию от ранних Отцов церкви. На материале XVI века общая линия повествования уступает место трём «параллельным» (лютеранской, реформистской и католической церковно-историческим традициям). Время Реформации воспринималось в этом труде как своего рода пролог более интенсивной полемики по частным вопросам, развернувшейся в последующие столетия.

Развитием ряда идей этой книги стала работа Ф. Х. Баура «Эпохи церковной историографии»⁴, сыгравшая важную роль в переходе от изучения собственной конфессиональной традиции к более широкому взгляду, более конструктивному диалогу между историками двух разных конфессий. Согласно концепции Баура, период расцвета позднеантичной церковной историографии, связанный с именами Евсевия Кесарийского и его ближайших последователей (главным образом греческих), а также средневековых продолжателей (в основном латинских), сменился глубоким застоём, из которого церковную историографию как воспринимаемую самостоятельно научную дисциплину вывела публикация в середине XVI века «Магдебургских Центурий». Реакция на эту публикацию, последовавшая как с католической, так и с протестантской стороны, способствовала резкому оживлению диалога. В дальнейшем идейное

³ Stäudlin C. F. Geschichte und Literatur der Kirchengeschichte. J. T. Hemsen (Hrg.), Hannover, Verl. der Hahnschen Hofbuchhandlung, 1827. 376 c.

⁴ Baur F. Ch. Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen, 1852. 310 c.

противостояние сменяется «понятием исторического развития», то есть, говоря сегодняшним языком, восприятием церковно-исторической науки как процесса диалектического взаимовлияния сторон. Тем временем инициатива постепенно переходит к германским историкам, и в дальнейшем Баур постепенно отождествляет развитие общехристианского диалога с происходящим в рамках немецкоязычного научного дискурса, что существенно обедняет общую картину.

Следующим важным рубежом церковной историографии стало исследование П. Польмана «Исторический элемент в религиозном споре XVI века»⁵. Главной заслугой этого весьма эрудированного сочинения стало определение церковной историографии XVI столетия как самодостаточного, заслуживающего самого глубокого изучения сюжета. Немногим позже появилась книга цюрихского профессора Вальтера Нигга⁶, во многом возрождающая на новом этапе основные элементы концепции Ф. Х. Баура. Нигг, как и Баур, отождествлял этапы в развитии церковной историографии с деятельностью отдельных людей. Всем крупным этапам, помимо отдельных ярких представителей, присваивалось прилагательное, призванное облегчить включение того или иного периода в простую и понятную общую схему. Так, эпоха Евсевия и его ближайших последователей названа «мифической историографией Церкви», время «Центурий» и «Анналов» - «конфессиональной», а сам Баур стал единственным (наиболее типичным) представителем «идеалистической церковной историографии». При всей поверхностности таких определений они облегчали восприятие концепции в целом, и это было заметным преимуществом книги, обеспечивающим живучесть её концепции, особенно в университетской практике.

Среди крупнейших учёных, исследовавших межконфессиональную полемику в церковной историографии с обеих сторон, следует особо

⁵ Polman P. L'Élément Historique dans la Controverse religieuse du XVIe siècle. Gembloux, J. Duculot, 1932. 580с.

⁶ Nigg W. Die Kirchengeschichtsschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München, C. H. Beck, 1934.271 с.

отметить профессора Женевского университета (Институт истории Реформации) Ирену Баккус, автора многочисленных публикаций, охватывающих историю восприятия христианских идей от ранних Отцов церкви до Г. В. Лейбница. Среди её трудов важное место занимают сюжеты, связанные с интерпретацией идей раннего христианства в XVI веке, а значит, и с церковной историографией. В 2001 году под её редакцией был выпущен объёмный двухтомник, посвящённый наследию Отцов в христианской мысли от Каролингской эпохи до трудов Мавристоконгрегации ордена бенедиктинцев⁷. Данная тема получила дальнейшее развитие в авторском произведении И. Баккус, посвящённом методологии истории в эпоху «большой Реформации», изученной в связи с конфессиональной принадлежностью историков⁸. Книгу Баккус отделяет от работы Польмана почти 70 лет, и тем не менее, она полемизирует главным образом с давними, но не утратившими актуальности тезисами бельгийского коллеги. Главная идея книги Баккус заключается в придании историческому творчеству авторов XVI века самодостаточности: далеко не во всех аспектах оно было обусловлено конфессиональной принадлежностью или партийными интересами. По сути дела, результаты этого и других трудов И. Баккус открывают новый этап в изучении западноевропейского культурного наследия, соответствующий более общей тенденции преимущественного внимания к культурному своеобразию и каждой отдельной форме идеологии или веры.

Если количество работ, рассматривающих межконфессиональную полемику комплексно, в целом невелико, то историография лютеранской исторической мысли XVI века и конкретно «Магдебургских центурий» гораздо более обильна. К. Сагиттарий первым обратил внимание на

⁷ Backus I. (ed.) *The Reception of the Church Fathers in the West from the Carolingians to the Maurists*. V. 1-2, Brill, Boston-Leiden, 2001. 1078 с.

⁸ Backus I. *Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378-1615)*. Brill, Leiden-Boston, 2003. 416 с.

необходимость изучения организации работы над «Центуриями»⁹; эта тема получила значительное развитие в первой биографии М. Флация, написанной Бальтазаром Риттером¹⁰. С конца XIX столетия до наших дней тема «Магдебургских центурий» не теряет актуальности и входит в число наиболее развитых в европейской (в основном – германской) исторической науке.

Первым важным рубежом этой линии историографии стала не утратившая и поныне своего научного значения биография Флация, написанная В. Прегером¹¹. Прегер глубоко изучил рукописные источники не только Вольфенбюттеля, но и архива Регенсбурга, и Мюнхенской Королевской библиотеки. И сегодня интересно читать рассуждения Прегера о языке Флация или об используемых им понятиях. Новая биография Флация, призванная дополнить сказанное Прегером, была задумана американским исследователем О. Олсоном; пока вышел лишь первый том¹². Безусловным достоинством новой работы является умение историка привлечь материалы, до сих пор никогда не использовавшиеся в изучении Флация и «Центурий» (например, публикации по краеведению, истории ландшафтов и т. п.), а также умение остановиться на малоизвестных эпизодах, уклоняясь от следования устоявшимся в научной и справочной литературе шаблонам. Как бы то ни было, по первому тому судить несколько преждевременно, хотя в случае продолжения эта книга обещает быть очень интересной. Вышедшая совсем недавно биография Флация работы Луки

⁹ Sagittarius C. *Introductio in historiam ecclesiasticam et singulas eius partes, sive notitia scriptorium veterum atque recentium qui historiam illustrent.* Jena, Cröker, 1694. 1181 c.

¹⁰ Ritter J. B. *Eigentliche un umständige Beschreibung Des Lebens, Handels und Wandels, der Streiten und Schrifften, wie auch endlich des Todes M. Mat. Flacii Illyrici, Ehemals berühmten und sehr gelährten Theologi in Teutschland: aus theils bekannten, theils bißher unbekannten Uhrkunden, Schrifften und Brieffen, anderer und seiner selbst. Zur Beleuchtung der Kirchen-Historie Des XVI. Seculi. Verfertigt, auch auff verschedener Begehren zum Druck überlassen.* Franckfurth am Mayn 1723. 292 c.; Ritter J. B. M. *Matthiae Flacii Illyrici... Leben und Tod. Aus theils bekannt-theils unbekanntem Urkunden, Schrifften und Brieffen, anderer und seiner selbst; zur Erläuterung der Kirchen-Historie des XVI. Seculi. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage.* Franckfurth/Leipzig, Ziegler, 1725. 210 c.

¹¹ Preger W. *Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit.* Bd. 1-2. Erlangen, 1859-61. 436+584 c.

¹² Olson O. K. *Mattias Flacius and the Survival of Luther's Reform.* Wiesbaden, 2002. 430 c.

Илича¹³ не выделяет занятия историей среди других сфер, в которых проявил себя многогранный талант хорватского интеллектуала; книга содержит массу интересного богословского материала, способного, среди прочего, оттенить взгляды мыслителя на историю, методологию и организацию исследований.

Старт современному научному изучению «Магдебургских центурий» дали диссертации немца Х. Шайбле и американца Р. Динера¹⁴. Шайбле уделил особое внимание авторскому коллективу «Центурий», исследовал вклад в общий результат и в концепцию отдельных его лидеров. Хотя не все выводы, к которым он пришёл, выдержали проверку временем, его подход стимулировал интерес историков к этой стороне генезиса первой лютеранской историко-церковной концепции. Динер больше занимался кругом лиц, поддерживавших проект «Центурий» материально и морально; благодаря такому подходу ему удалось чётче увидеть связь «Центурий» как проекта с современными им политическими процессами; глубоки его замечания относительно генезиса в процессе борьбы вокруг Интерима интереса лютеранских историков к некоторым сторонам истории христианского учения – иерархии, литургии и догматики.

Следующей после Польмана попыткой включить «Центурии» в общий процесс становления лютеранской историографии стала книга Матиаса Полиха, посвящённая лютеранской историографии второй половины XVI и начала XVII века¹⁵. Собрав огромное количество текстов, Полих объединил их в масштабной картине различных факторов и тенденций, отличавших

¹³ Ilić L. *Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus*. Göttingen-Bristol, CT, USA: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 304 с.

¹⁴ Scheible H. *Der Plan der Magdeburger Zenturien und ihre ungedruckte Reformationsgeschichte*. Diss. Heidelberg 1960. 223 с.; Diener R. E. *The Magdeburg Centuries. A Bibliothecal and Historiographical Analysis*. Diss. theol. Harvard, 1978. Х. Шайбле подготовил на основе своей работы небольшую книгу, которая содержит основные положения его концепции. Scheible H. *Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der historiographischen Methode*. Gütersloh, 1966. 78 с. Некоторые выдержки из работ Р. Динера были впоследствии также опубликованы. Diener R. E. *Johann Wigand (1523-1587)*. In: *Shapers of religious traditions in Germany, Switzerland, and Poland, 1560-1600*. Jill Raitt (ed.), New Haven/London, 1981, pp. 19-38; Diener R. E. *Zur Methodik der Magdeburger Centurien*. In: *Catalogus und Centurien. Interdisziplinäre Studien zu Matthias Flacius und den Magdeburger Centurien*. Mentzel-Reuters A., Hartmann M. (Hrsg.). Mohr Siebeck, Tübingen, 2008. Ss. 129-173.

¹⁵ Pohl M. *Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Lutherische Kirchen- und Universalgeschichtsschreibung 1546-1617*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2007. 589 с.

сложный мир христианской гетеродоксии XVI века. Глубоко исследована роль взглядов М. Лютера, а также различных интерпретаций его образа в создании корпуса представлений об истории Церкви в её неразрывной связи с историей всемирной, являющейся реализацией божественного замысла и одновременно ареной борьбы вечных сил. М. Полих продемонстрировал абсолютно новый подход, требующий, возможно, углубления за счёт включения в эту великолепную картину более поздней и – самое важное – более ранней эпохи.

Последним на сегодняшний день сочинением о «Центуриях» является работа берлинского учёного Х. Болбука, ставшая итогом длительной работы по подготовке интернет-публикации источников «Центурий»¹⁶. Под одной обложкой собраны пять отдельных исследований, посвящённых соответственно предыстории «Центурий», организации работы авторского коллектива в историческом и логическом плане, практике их работы и взаимодействию с кругом европейских интеллектуалов, строению «Центурий» и проблемам авторства, а также проблемам положения авторов в лютеранской интеллектуальной среде. Очевидным достоинством подхода Х. Болбука является отказ от центрированности на фигуре М. Флация, что позволило избежать распространённого в историографии XX века отождествления достоинств и недостатков «Центурий» с личными или профессиональными качествами Флация.

Историки католического направления проявили себя в исследованиях церковной историографии XVI века, главным образом, в изучении творчества кардинала Ч. Баронио и его главного труда – «Церковных анналов». Церковно-историческая литература, вышедшая до 1588 года, исследована ими в значительно меньшей степени.

Особенности организации католической науки способствовали тому, что интерес к биографии Баронио возник сразу после кончины историка,

¹⁶ Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 с.

однако долгое время не выходил за пределы популярного или апологического жанра. После выхода в свет в середине XVIII века подборки источников по биографии Баронио¹⁷ интерес историков к этому персонажу угас. Научный интерес к историографии возродился в католической науке лишь в начале XX века, после публикации объёмистого тома Дж. Каленцио, содержащего не только подробную биографию, но и текст ряда документов¹⁸. В том же году с памятной речью о кардинале Баронио выступил перед своими студентами будущий папа Иоанн XXIII, преподаватель церковной истории из семинарии г. Бергамо Анджело Ронкалли. Полвека спустя этот человек занял папский престол под именем Иоанна XXIII (пontiфикат 1958-1963); по этому поводу некоторые коллеги подготовили расширенную и снабжённую богатым библиографическим аппаратом публикацию, выросшую до размеров монографии¹⁹. Посвящённая Баронио работа другого будущего понтифика, Акилле Ратти (Пия XI, pontiфикат 1922-1939), вышла в свет в 1911 году в обширной публикации, предпринятой к 300-летию кончины великого историка²⁰. На фоне других текстов статья будущего папы (на тот момент – префекта Амвросианской библиотеки) отличалась трезвостью и профессионализмом²¹. Публикация сопровождалась текстом некоторых писем историка к Ф. Борромео, которые свидетельствуют о том, что темами обсуждения коллег-кардиналов также насущные проблемы реформирования церкви.

Следующий важный этап в изучении наследия Чезаре Баронио был начат монографией американского историка С. Паллапилли «Цезарь Бароний, историк эпохи Контрреформации»²². Несомненным плюсом этого

¹⁷ Alberici R. *Venerabilis Caesaris Baronii S. R. E. Cardinalis Bibliothecarii Epistolae et Opuscula*. 3 vv. Romae, 1759-1770.

¹⁸ Calenzio G. *La vita e gli scritti del Cardinale Cesare Baronio della Congregazione dell'Oratorio*. Roma, Tipografia Vaticana, 1907. 931 c.

¹⁹ Roncalli A. *Il Cardinale Cesare Baronio*. Roma, 1961. 63 c.

²⁰ Per Cesare Baronio. *Scritti vari nel terzo centenario della sua morte*. Roma, 1911. 663 c.

²¹ Ratti A. *Opuscolo inedito e sconosciuto del card. Cesare Baronio con dodici sue lettere inedite ed altri documenti che lo riguardano*. V.: Ibidem. P. 177-254.

²² Pullapilly C. K. *Caesar Baronius: Counter-Reformation Historian*. University of Notre Dame Press, Notre Dame (Indiana), 1975. 222 c.

исследования является привлечение для составления комплексной картины всех известных крупных работ Баронио, а также рассмотрение его историко-церковной деятельности без отрыва от церковно-политической. Американский историк ввёл нового персонажа в контекст международной англоязычной историографии; соотнеся результаты своего исследования с общими трудами другой научной традиции, Паллапилли создал «стартовую площадку» для современных исследований комплексного характера.

Одним из наиболее авторитетных исследователей историографии католического направления в XX веке был Х. Йедин, автор четырёхтомной «Истории Тридентского Собора»²³. Ряд статей, опубликованных докладов, очерков Х. Йедина был взят нами в оборот в настоящей работе. Особый интерес для нас представляет небольшая работа, подведшая итоги предшествующих исследований биографии Баронио и его творчества и сформулировавшая в сжатом виде все положения концепции²⁴. Рассуждения Х. Йедина о Баронио сгруппированы по трём разделам, рассматривающим его интеллектуальную биографию в контексте эпохи, его труды (и обстоятельства их создания) и, наконец, историческое значение созданной в «Церковных анналах» историко-церковной концепции. Среди более чем 700 публикаций этого выдающегося историка нет серьёзных исследований произведений историков-католиков XVI века до Баронио.

Подлинным прорывом в изучении наследия Баронио стала проведённая в 1979 году 5-дневная конференция, посвящённая Баронио как историку²⁵. Важнейшую роль в организации конференции, в разработке концепции последовавшей публикации её трудов, в определении затрагиваемых тем сыграл крупный итальянский историк Р. Де Майо. Разделяя взгляды Х. Йедина относительно различных «ипостасей» наследия Баронио («существование в биографии, в мифе и в историографии»), Р. Де Майо

²³ Jedin H. Geschichte des Konzils von Trient. Bd. 1-4 (5 Vol.). Freiburg, Herder, 1951-75.

²⁴ Jedin H. Kardinal Caesar Baronius. Der Anfang der katholischen Kirchengeschichtsschreibung im 16. Jahrhundert. Münster, Aschendorff, 1978. 63 с.

²⁵ Baronio storico e la Controriforma. Atti del Convegno internazionale di studi, Sora, 6-10 ott. 1979. A cura di R. De Maio, L. Gulia, A. Mazzacane. Sora, 1982. 958 с.

сопоставляет филологический инструментарий автора «Церковных анналов» с высказанным Тридентским Собором императивом – «героической концепцией документа». Одной из важнейших тем, бывших в центре внимания большинства участников той конференции, было сочетание творческой свободы историка и идеологических рамок, внутри которых Баронио обладал реальным выбором. Тема получила своё развитие на аналогичном мероприятии, проведённом 7 лет спустя на родине Баронио, но посвящённом его коллеге и другу кардиналу Р. Беллармино²⁶. На конференции 1986 года были затронуты не только вопросы сотрудничества Беллармино и Баронио, но и более широкий культурно-исторический и историографический контекст: деятельность протестантских критиков католической концепции истории церкви, некоторых светских историков, а также судьбы трудов историков-католиков в ближайшей временной перспективе. Итальянский историк С. Дзен подвёл итог изучению деятельности историков-католиков, пытавшихся продолжить «Церковные анналы» на латинском или новых языках²⁷. Результатом многолетних изысканий историка стала монография, вышедшая в Неаполе в 1994 году²⁸. Среди методологических новшеств этой работы отметим помещение трудов Баронио в широкий тематический и географический контекст, вроде исследования влияния его творчества на польский иезуитский театр. Вклад Баронио в развитие эстетики, церковной археологии и ряд других отраслей гуманитарного знания был также впервые рассмотрен в этой книге. Особый интерес представляет исследование зарождения «мифа о Баронио» - его иконографию, связанные с ним легенды, овеванные славой отношения с коллегами-иерархами церкви и т. д.²⁹. Последней крупной публикацией о Баронио стала книга, напечатанная по итогам очередной конференции в г.

²⁶ Bellarmino e la Controriforma. Atti del Simposio internazionale di studi sotto l'Alto Patronato del Presidente della Repubblica. Sora, 15-18 ottobre 1986. A cura di R. DeMaio, A. Borromeo, L. Gulia, G. Lutz, A. Mazzacane. Sora, 1990. 1051 c.

²⁷ Ibidem. P. 303.

²⁸ Zen S. Baronio storico. Controriforma e crisi del metodo umanistico. Napoli, 1994. 416 c.

²⁹ Ibidem. P. 325.

Сора в 2009 году³⁰. Среди нескольких десятков опубликованных в ней работ большинство посвящено небольшим частным сюжетам, затрагивавшимся в «Церковных анналах», иногда – в противопоставлении «Магдебургским центуриям». Центральное положение в книге занимают работы Р. Де Майо и С. Дзена, углубляющие на новом материале уже сформулированные ими ранее взгляды.

Почти вся католическая историография нашей темы касается Ч. Баронио и вклада его «Церковных анналов» в межконфессиональную полемику. Труды его предшественников-католиков, первыми взявших на себя обязанность выступить против идеологического противника, почти не получили освещения в исторической литературе. Единственной крупной работой о католической церковной историографии, направленной против «Центурий» и предшествующей «Церковным анналам» Баронио, остаётся книга испанского историка Орелья-и-Унсуэ «Католические ответы на «Магдебургские центурии»», вышедшая ещё в 1976 году³¹. Автор включил в своё повествование большое число произведений, даже совсем небольших, а также множество документов из испанских и особенно римских архивов. Его эрудиция впечатляет, особенно в том, что касается интриг Курии и всякого рода «подводных течений», определявших повороты в культурной политике Рима.

Отечественная историография по ряду объективных причин уделила западноевропейской церковной историографии значительно меньшее внимание. «Магдебургские центурии» упоминались в некоторых общих трудах (А. П. Лебедев, О. С. Вайнштейн³²), однако эти упоминания отличаются краткостью и обзорным характером и неспособны удовлетворить запросы современной науки. Кроме того, в сугубо научном отношении они требуют пересмотра.

³⁰ Baronio e le sue fonti. Atti del Convegno internazionale di studi. Sora 10-13 ottobre 2007. Sora, 2009. 962 с.

³¹ Orella y Unzue J. L. de. Respuestas Catolicas a las Centurias de Magdeburgo (1559-1588). Fundacion universitaria española, Madrid, 1976. 637 с.

³² Лебедев А. П. Церковная историография в главных её представителях с IV до XX в. СПб, 1903; Вайнштейн О. Л. Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала Средних веков до наших дней. М.-Л., 1940

Значительную роль в формировании отечественной школы изучения историографии средневековой истории сыграла деятельность Е. А. Косминского. В 1963 году были опубликованы его лекции, подготовленные и прочитанные гораздо раньше – в 1938-40 годах³³. Определённое внимание историк уделил и церковной историографии XVI века. Основной заслугой Е. А. Косминского стало введение ряда основополагающих текстов – в первую очередь «Магдебургских центурий» и «Церковных анналов», но также «Хроники Кариона» и сочинений С. Франка – в общий историографический контекст, что позволило прийти к ряду важных выводов. Так, Е. А. Косминский выделил по значению и качеству «Магдебургские центурии» и «Церковные анналы» среди других церковно-исторических сочинений, что полностью соответствует и нынешним представлениям. В частности, он отмечал и прогресс, достигнутый «в «Магдебургских центуриях» и особенно у Барония» по сравнению с гуманистами в отношении критики источников³⁴, и особое место «церковной полемики XVI в.» в деле цитирования подлинных документов как средстве доказательства исторической истины³⁵. В то же время историк не рассматривает исторические взгляды М. Лютера в контексте реформационной историографии, относя их к главе «Политические учения XVI в.»³⁶. Наконец, в этих лекциях нашла подтверждение точка зрения Ф. Баура на важность для межконфессиональной полемики «Каталога свидетелей истины», хотя роль этого текста как средоточия исторической концепции «Центурий» и ускользнула от исследователя. Таким образом, несмотря на очевидные заслуги лекций Е. А. Косминского, мы считаем возможным и необходимым вернуться на современном этапе к изучению западноевропейской церковной исторической мысли, выделив её из общего историографического контекста в качестве самостоятельного объекта исследования.

³³ Косминский Е. А. Историография Средних веков. V в. – середина XIX в. Лекции. М., Изд-во МГУ, 1963. 430 с.

³⁴ Там же. С. 118.

³⁵ Там же. С. 119.

³⁶ Там же. С. 106 и далее.

Структура работы. Цель и задачи исследования определяют его структуру, в основу которой положен хронологический и тематический принципы, позволяющие не только рассмотреть процесс в динамике, но и выделить основные жанры западноевропейской церковной историографии первой половины XVI века. Диссертация состоит из введения, четырёх глав и заключения. Справочный аппарат включает постраничные сноски, список использованных источников и литературы, список сокращений.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** дано обоснование темы, её актуальности и научной значимости. Охарактеризованы объект и предмет исследования, источниковая база, хронологические рамки работы, ее цели и задачи. Специальные разделы посвящены методологической основе и научной новизне исследования. Сформулированы выносимые на защиту положения, а также практическая значимость работы и апробация основных результатов исследования. Специальный раздел Введения содержит историографический раздел, освещающий крупнейшие труды и концепции, касающиеся проблематики работы.

В **первой главе («История Церкви в историографической панораме первой половины XVI века»)** рассмотрено положение, сложившееся в историографии Церкви и более широко в конфессиональном гуманитарном знании к середине XVI века. Глава имеет целью реконструкцию историографической ситуации в отрасли церковной истории с изучением ряда крупных произведений, написанных и изданных в период между провозглашением учения Лютера и первым проникновением идей религиозного протеста в исторические сочинения, с одной стороны, а с другой – выходом в свет «Магдебургских Центурий». Охарактеризована политическая и религиозно-политическая ситуация, сложившаяся в Центральной Европе к середине столетия. Затем в главе представлены характеристики наиболее ярких произведений историографии Церкви 1520-

40-х годов – работы Беата Ренана, С. Франка, Ф. Меланхтона, Х. Эгенольфа и К. Хедио.

В Европе середины XVI века ходило множество экземпляров церковных историй, написанных ещё в конце античной эпохи. Первые печатные экземпляры появились ещё в эпоху инкунабул; особенно популярны были эти книги среди издателей Страсбурга. Неоднократно переиздавались они и в первой половине XVI века. Именно в страсбургских изданиях складывались традиции подборки, группировки и совместного издания текстов. Так, в третьей четверти XV века издатель Эггештайн выпустил отдельно Евсевия (с предисловием Иеронима) в переводе Руфина Аквилейского, а к ним – отдельное издание Беды Достопочтенного. В 1500 году Георг Хуснер подготовил новое однотомное издание Евсевия и Беды Достопочтенного. С особой изысканностью были изданы классические тексты по ранней церковной истории в издательстве Иоганна Прюсса Старшего.

Беат Ренан подготовил несколько изданий трудов позднеантичных церковных историков; с 1535 года состав сборника становится стабильным. Динамика изданий, подготовленных Беатом Ренаном, показывает растущий интерес к текстам, которые в контексте тогдашних представлений об истории составляли корпус «источников» по истории христианской церкви первых веков её существования. Издание содержит разностороннее и драматичное описание великого внутрицерковного конфликта (арианского раскола), который, несмотря на былую его остроту и кажущуюся неразрешимость, в конце концов, закончился установлением церковного мира. В выборе для публикации позднеантичных текстов, помимо стремления избежать необходимости выносить какие-либо оценочные суждения в адрес современников и вмешиваться в актуальные церковные проблемы, мы видим установку на обращение к источникам, к историческому примеру. Публикация Беатом Ренаном позднеантичных церковных историй стала последним существенным эпизодом участия «классических» гуманистов в

набирающей обороты межконфессиональной историко-идеологической полемики: с открытием Тридентского Собора гуманисты теряют интерес к теме, приобретающей вселенский масштаб, ведущей к необратимым изменениям, уводящей всё дальше от понятных классических моделей. Следующие участники церковно-исторической полемики – это гуманисты лишь по образованию, но уже не по образу мыслей и не по профессионально-культурной ориентации.

Публикации Беата Ренана (и продолжение этой работы другими интеллектуалами) являются одним из очевидных подтверждений резкого роста «учёного» интереса к церковной истории. Неоднозначность интерпретации этих текстов стимулировала прочтение их на языке оригинала, а также рост любопытства публики, недостаточно для этого образованной. Доступность известных текстов вызвала рост потребности в новых «учёных» работах. Когда древние церковные истории были приведены в порядок, выяснилось, что церковно-исторический материал очень востребован: в особенности это касалось столетий, не освещённых в этих книгах. Публикации Беата Ренана обозначили высшую точку сугубо гуманистического интереса к теме, а одновременно – и тупиковую ситуацию: издание для самых подготовленных читателей не стимулировало более широкого массового интереса, считавшиеся классическими тексты не удовлетворяли новых запросов, целые века оказывались «за бортом» изданий по истории церкви. Филологической критики для движения исторического познания вперёд было уже явно недостаточно.

Сочинения немецкого мистика Себастьяна Франка были, несмотря на разрыв с церковно-исторической традицией, важным элементом европейского историографического пейзажа первой половины XVI века. Дело здесь не только в том, что, во многом благодаря конфликту с ведущими реформаторами и глубоким расхождениям во взглядах на историю с Лютером и его ближайшими соратниками, Франк пользовался значительной популярностью, а его сочинения широко читались и переиздавались.

Первой лютеранской церковной историей стала «Хроника древних христианских церквей» Каспара Хедио. Новизна «Хроники» заключалась во взаимосвязи фактов, в изложении, в цельности концепции. Хедио разделял с предшественниками-гуманистами исторический материал, но не концептуальный подход; в результате этого появилось качественно глубоко отличное от гуманистических образцов сочинение. Важнейшим достоинством «Хроники древних христианских церквей» стал континуитет изложения, возведённый в основополагающий историографический принцип. Историческая преемственность, взаимосвязь эпох были характерны для мировоззрения «протестующих» уже на начальном этапе. Именно на непрерывности Истины, наличии её защитников во всех исторических эпохах основывалась уверенность в собственной правоте, в глубокой религиозной связи своих убеждений с Евангелием и утверждаемыми им ценностями. Противная сторона и её деятельность также рассматривались сквозь призму континуитета.

Заключительные разделы первой главы диссертации посвящены совершенствованию в рамках Второй Схоластики локального метода и разработке парадигмы его применения к любым гуманитарным дисциплинам. Этот метод обрёл наиболее всестороннее обоснование в трудах учёного из Саламанки Мельчора Кано. Его сочинение анализируется с точки зрения применимости сформулированных в нём тезисов в церковно-исторических сочинениях. Способы применения этих тезисов демонстрируются на примере работ католического богослова и историка Томмазо Кампеджи.

В центре внимания **второй главы (««Магдебургские центурии» - крупнейшее произведение протестантской церковной историографии XVI века»)** находится крупнейшее сочинение лютеранской церковной историографии XVI века. Идея всеохватного исторического сочинения, предназначенного для обоснования претензий «протестующих» к римской Церкви, была сформулирована Лютером и Меланхтоном в самом общем

виде. В практическом ключе она обсуждалась лишь в переписке будущего лидера проекта М. Флация с коллегами. В этой связи особое внимание было уделено проблеме формирования взглядов Флация, его кругозора, восприятия различных культурно-исторических и научных традиций. На основании имеющихся материалов вполне возможно сделать выводы об особом сочетании во взглядах Флация идей радикального лютеранства и элементов, воспринятых им через посредство своего учителя Эньяцио от венецианской ренессансной традиции. Гуманистический инструментарий Эньяцио, применявшийся во множестве мелких сюжетов, не мог обеспечить формирувавшиеся новые потребности: новые интеллектуалы, следуя закрепившейся в германских университетах традиции, создавали крупные исторические труды на основе глубокого религиозного чувства. Это чувство стимулировало создание крупных по объёму, но цельных по композиции, свободных от внутренних противоречий исторических сочинений.

Поворот Флация к занятиям историей начался ещё в 1550 г. Главной работой Флация, написанной в ходе подготовки первого тома «Центурий», стал «Каталог свидетелей истины» (1556) – развернутый перечень авторов, в сочинениях которых можно было обнаружить расхождения с официальной католической доктриной, особенно в части преемственности развития церкви от эпохи Христа до начала XVI в. Анализ этого сочинения посвящён специальный раздел второй главы диссертации.

«Каталог» не является историческим сочинением в собственном смысле слова. В нём отсутствует сформулированная общая концепция, не рассматривается динамика исторических событий, отсутствует сюжет, приводится мало хронологических данных. Книга носит справочный характер; очевидно, она была написана для того, чтобы на её основе создать историческую концепцию в полном смысле слова. «Каталог» является бесспорным шагом вперёд, свидетельством эволюции исторической концепции, выраженной в трудах первых протестантских историков. Отметим, что наиболее чётко эта преемственность прослеживается не по

отношению к идеям Меланхтона (и тем более Себастьяна Франка), а по отношению к Каспару Хедио, в частности – к рассмотренной нами «Хронике ранних христианских церквей». Хедио, как мы знаем, не относил себя к последователям Лютера; более того, у истоков замысла «Магдебургских Центурий» стоял именно Меланхтон. Прделанный анализ подтверждает правильность взгляда на «Каталог свидетелей истины» как на подготовительное сочинение, написанное для членов авторского коллектива, а также потенциальных спонсоров и покупателей будущих «Магдебургских Центурий». Замысел «Центурий» уже был создан, и работа над ними уже велась в то время, когда Флаций составлял свой «Каталог». «Каталог свидетелей истины» можно представить как переходный этап в ранней протестантской историографии от концепции Хедио к «Центуриям».

Концепция «Магдебургских центурий», их роль в межконфессиональной полемике предстают в новом свете при анализе паратекста этого сочинения, предпринятом в четвёртом параграфе второй главы диссертации. Титульный лист, оформление, предисловия, посвящения, даже выбор языка показывают нам (как и показывали когда-то читателям-современникам), какого конкретного эффекта ожидали руководители проекта от его реализации. В частности, титульный лист сообщает, что книга издавалась не по распоряжению властей какого-то конкретного германского государства и не претендует ни на какой официальный статус в условиях противостояния светской и духовной власти, а также противостояния внутри церкви. Напротив, система посвящений каждой отдельной центурии новым светским государям (а позже – и просто влиятельным лицам) свидетельствует не только о напряжённых поисках спонсоров и политических покровителей проекта, но и о стремлении заявить о книге на надгосударственном и даже на наднациональном уровне. В целом паратекст «Центурий» способен пролить свет на важнейшие аспекты функционирования «рынка идей» и книжного рынка Западной Европы в XVI веке. Анализ его позволил также изучить взгляды авторов «Центурий» на

проблему новаторства и преемственности в церковной историографии, на своё место в развитии историописания. Исходя даже только из списка названных в паратексте «Центурий» предшественников, мы можем понять, что предлагаемая в них методология должна будет не только подвергнуться сравнению с методологией Евсевия Кесарийского, но и превзойти её. Структура глав, принятая в сочинении Евсевия «Церковная история», послужила прообразом структуры отдельных Центурий. Некоторые темы, упомянутые в помещённом во введение «Центурий» специальном разделе («Метод»), развивают темы Евсевия – наследование епископских кафедр, история теологов, ересей, евреев, мучеников и т. п.

Особое значение для анализа межконфессиональной полемики представляет собой общая историческая концепция «Магдебургских центурий». Начало исторического полотна этого сочинения, отправная хронологическая точка и в то же время исторический идеал, не подлежащий критике или даже сомнениям, – это евангельская история. Главным содержанием исторического процесса авторы «Центурий» видят накапливающиеся прискорбные перемены в облике Церкви, определяющие все происходящие в современности и в будущем события. История воспринимается как нечто имеющее начало (в случае с историей Церкви – Первое пришествие, а в более широком смысле – Творение) и конец. О конце истории мы можем судить лишь по замечаниям, обронённым в тексте «Центурий» - завершающий их том так и не был написан. Тем не менее, окончание исторического полотна должно было приходиться не на современные авторам события, а на будущее в их восприятии. Это будущее виделось им как краткая предыстория неизбежного Страшного Суда, который не только станет завершением основного сюжета их исследования (Божественного замысла), но и проиллюстрирует абсолютную верность вынесенных в их книге оценок. Одним из наиболее важных событий, предваряющих скорый конец света, была проповедь М. Лютера. События грехопадения церкви рисуются на тысячах страниц «Магдебургских

Центурий» столь драматично, что, с одной стороны, перспектива Страшного Суда не рисуется как что-то действительно устрашающее праведников, а с другой, временной промежуток, отделяющий тех читателей, для которых книга писалась (то есть современников), от евангельской эпохи, казался намного больше остающегося времени. О перспективах развития церкви в представлениях Центуриаторов судить сложно, поскольку том книги, посвящённый XVI веку, так и не был написан.

Ситуация первого века рассматривалась центуриаторами как образцовая. В самом деле, если общий политический облик эпохи, внутреннее состояние Римской империи было далеко от идеала, «положение церкви» оценивалось по совершенно другому критерию. Иисус Христос (помощью которого заручились авторы «Центурий», обратившиеся к нему в первой главе своего произведения) оставил церковь в том состоянии, в котором она должна была оставаться в обществе многие столетия. Этот момент реконструирован со всей возможной тщательностью. Постепенный отход от идеала начал проявляться далеко не сразу; Апостолы распространили церковь вширь, не изменив её положения в государстве и роли в обществе. Отход будет совершенно очевидным только к 6 центурии; пока накапливались лишь некоторые частные отклонения, скрупулёзно отмечаемые авторами книги.

Историческая концепция «Центурий» отталкивалась от восприятия первого века (точнее, эпохи Христа и Апостолов, представленной в Новом Завете) как времени образцового порядка, исторического идеала, от которого Церковь понемногу стала отступать в последующие времена. Практически вся деятельность большинства христиан – церковных авторов, принявших новую религию римских императоров, а затем всё более широкого круга людей – вела к постепенному отходу от этого идеального порядка.

Два события в этой схеме имеют для авторов «Центурий» эпохальное значение – поворот Римской империи в сторону христианства (часто символически именуемое как «обращение Константина») и перемены VIII

века, связанные с деятельностью Карла Великого. Великое историческое полотно, которое центуриаторы успели довести до конца XIII века, делится этими событиями на три мощных пласта, первым из которых является история доконстантиновой церкви. В исторической литературе в целом устоялось мнение о том, что древняя церковь имеет для центуриаторов (и в целом для лютеранской историографии) подчинённое смысловое значение и поэтому она была исследована с меньшим вниманием и глубиной. В действительности это утверждение требует оговорки: события IV века, связанные с гонениями Диоклетиана, реформами Константина и арианской ересью, крайне важны для «внешнего» облика церкви; искажения доктрины достигнут прискорбного масштаба в 6 томе, посвящённом VI веку. Концептуальное значение первого века христианской истории также очень высоко.

Особую ценность для данного исследования представляют никогда ранее не публиковавшиеся источники – черновые материалы, подготовленные для так и не вышедших в свет 14-16 томов «Центурий». Их анализ позволяет реконструировать «изнутри» локальный метод «Центурий», более точно его оценить, а также определить границы его эффективности. Убеждение авторов «Центурий» в том, что локальный метод обеспечивал полную непредвзятость их позиции, основывалось на понимании ценности цитат из источников. Считалось, что если собрать все относящиеся к теме цитаты из источников и составить их в более или менее связный рассказ, то должна получиться «подлинная» история. Нам удалось воочию увидеть «лабораторию» исследователей XVI века и её описать.

Представленный во всех черновиках метод конспектирования основывался на дроблении сочинений церковных авторов на отдельные утверждения (локусы), которые группировались по шестнадцати главам каждого тома, а внутри них – по десяткам заранее определённых тем. Этот метод практически исключал возможность перекрёстного подбора информации (у одного автора про другого), если они не были противниками

или соратниками в полемике. Таким образом, связный рассказ о том или ином крупном событии, о масштабной тенденции в отрыве от конкретных примеров был невозможен. Кроме того, благодаря тому, что над отдельными фрагментами источников работали несколько человек, метод «Центурий» служил эффективным фильтром информации.

Один из важнейших элементов общеисторической концепции «Центурий» представлен в IV главах каждого тома, где речь идёт об изменениях в христианском учении, проявившихся в том или ином столетии. Эпоха становится более эффективным определяющим маркером, чем личность мыслителей (которые воспринимаются исключительно как авторы того или иного текста) или чем детали формирования мыслителя, представляемого им общества или социальной группы и т. п. В частности, те или иные тезисы не вызывают протестов, если они могут быть соотнесены с более или менее «благополучным» с точки зрения судеб христианства временем; напротив, в эпоху бурь и невзгод настрой центуриаторов становится более критическим, и особенно отчётливо эта закономерность видна при чтении именно четвёртых глав отдельных томов.

По своему значению среди глав каждого тома своим значением выделяются и те, которые посвящены «политике и управлению» церкви (VII главы) и описывают формирование папского государства. С точки зрения лютеранских церковных историков, эти главы посвящены одному из наиболее вопиющих злодеяний. Их внимание обращено на превращение богословской и церковно-административной реалии в политическую; сама по себе последняя центуриаторам менее интересна. Читатель не получил в «Центуриях» политической истории Папской области, хотя некоторый интересный материал для этого в ней содержится.

Заключительные два параграфа второй главы посвящены техническим аспектам работы над «Центуриями» - критериям оценки отдельных личностей и специфике локального метода Флация и его товарищей. Особое внимание уделено Библии как историческому источнику «Магдебургских

центурий» – этот вопрос ещё ни разу не исследовался в научной литературе. Решения, принимавшиеся авторами и издателями книги, наложили отпечаток не только на её судьбу, но и на ход межконфессиональной полемики в целом. Фундированность, скрупулёзность в подборе и систематизации материала, на которую делали основную ставку идеологи и авторы «Центурий», стала и основным препятствием в использовании книги. Она не имела рыночного успеха, а поиск спонсоров стал очень трудоёмким занятием. Тем не менее, «Центурии» стали новой ступенью в процессе формирования истории как науки.

В третьей главе («Католическая историография против «Магдебургских центурий» в 1560-1588 гг.») реконструируется начало борьбы представителей католической историографии концепции «Магдебургских центурий». Среди сочинений католических историков церкви первой волны проанализированы труды М. Бухингера, К. Брауна и В. Айзенграйна, а также ответы Флация на выдвинутые в сочинениях К. Брауна обвинения. В начале своего ответа католическая сторона ещё стремилась сохранить единую старую концепцию с самыми незначительными нововведениями. Так, Бухингер поставил целью укрепить концепцию церкви как единого организма и, более того, как квинтэссенции единства в самом широком понимании. По этой причине работа исторического характера, претендующая на цельную концепцию, в значительной степени посвящена «внеисторическим», то есть не имеющим диахронической координаты, понятиям. Прежде всего, это относится к определениям церкви, имеющим аллегорическое и глубокое символическое значение. Бухингер подробно объяснял, что такое церковь, едина ли она, из чего она состоит и на чём она зиждется. Бухингер мастерски вскрывал противоречия в стане противника или то, что можно было как противоречие интерпретировать (разночтения в папской титулатуре, высказывания против пап, уважительные высказывания в адрес св. Отцов и т. п.). Этот ход был задуман как начало реализации тонкого плана, направленного на развенчание попыток центуриаторов

обосновать их взгляды на историческом материале. Тем не менее, труд Бухингера оказал сравнительно незначительное воздействие на межконфессиональный диспут, и Римской церкви потребовалось ещё несколько попыток, чтобы перехватить в нём инициативу.

«Увещание» К. Брауна начинается с отвлечённых рассуждений о предмете церковной истории. Опираясь на достижения схоластической логики, К. Браун пришёл к выводу, что церковная история, как и любая другая гуманитарная дисциплина, может быть изложена систематически и исторически. При систематическом описании движение мысли должно быть направлено от простого к сложному (например, в грамматике от букв к словам, затем к словосочетаниям и проч.). Историческое описание основывается на принципиально иных представлениях и описывает те или иные явления по мере их эволюции во времени. Браун, вслед за Аристотелем и его средневековыми толкователями, разделяет три вида истории – «божественную», «естественную» и «человеческую». Одной из основных претензий Брауна к «Центуриям» была констатация отсутствия ясного понимания границ «церковной истории».

М. Флаций выступил против критики Брауна с несколькими сочинениями различного формата; в работе анализируются две наиболее крупных работы. Взятая в полемике тональность, резкость Брауна и особенно ответов Флация не оставила сторонам никаких надежд на компромисс или даже на простое сближение позиций. Браун не принял локальный метод, сделав выбор в пользу традиционной линейной экспозиции. Его богословские аргументы столкнулись с чётким историзированием. Браун стремился быть логичным и хотел выйти за пределы поля истории, Флаций, напротив, успешно парировал аргументы своего оппонента и был уверен в своей победе именно в рамках историко-церковной полемики.

В сочинении В. Айзенграйна («16 столетий») представляет особый интерес метод экспозиции исторического материала. Айзенграйн разработал собственную версию локального метода, альтернативную методу

«Центурий» и основанную на схожих принципах, но гораздо менее удачную. Это сочинение не претендует на всеохватность и систематичность: заявленное «описание достопамятных дел», помимо прочего, выглядит привлекательно для массового читателя, вызывая ассоциации с целым рядом известных текстов ренессансной историографии. Более точно жанр этого произведения можно определить как *confutatio* – «опровержение», стремление смешать аргументацию противника, сделать её беспорядочной и бессмысленной. С этой целью Айзенграйн пытается опровергнуть «Центурий» не противопоставлением альтернативной общей концепции и не критикой отдельных локусов, а новой систематизацией и противопоставлением своих глав отдельным главам «Центурий» с соответствующей группировкой обвинений.

Основу второй волны выступлений католических авторов, рассматриваемой во втором параграфе главы, составили труды иезуитов П. Канизия и Ф. Торреса. Сочинения О. Панвинио были написаны примерно в те же годы, но из-за безвременной кончины автора они были изданы в самом конце описываемого в данном разделе периода и рассматриваются в третьем разделе главы.

Труды П. Канизия были направлены против некоторых богословских тезисов «Центурий», однако в первой из его книг («Первая книга комментариев об искажениях Слова Божиего», 1571) были привлечены и аргументы исторического характера. Канизий обратил своё внимание на трактовку в «Центуриях» образов некоторых важнейших библейских персонажей. Следуя направлению, заданному в межконфессиональной полемике «Центуриями», Канизий исследовал историю возникновения культов Иоанна Крестителя и Девы Марии. Католический автор не выдвигал априорных негативных оценок и доказывал, что эти культы, несмотря на своё позднее по сравнению с Евангелиями появление, были логическим следствием самой сути христианской веры и Священного Писания. Привлечение обширной святоотеческой литературы в качестве не

беспорных доказательств, а мнений также способствовало формированию предметного диалога с протестантской стороной и началу постепенного выхода на новый уровень. Канизий и его последователи отошли от обвинений оппонентов в неверии, используя для своей аргументации в основном рациональную информацию эрудитского характера.

Известный учёный-иезуит Франсиско Торрес в рамках межконфессиональной полемики выступил в защиту Канонов Апостольских, а также папских Декреталий. Его сочинения отличались безупречностью логических построений, с помощью которых он стремился защитить ценность этих источников по ранней христианской истории. Защита основывалась на доказательстве истинности отдельных тезисов этих источников (главным образом, с догматической стороны); подспорьем служила так называемая «апостольская традиция» - согласие мнений Отцов и Учителей церкви, фиксировавших преемственность тезисов и истинность отдельных содержащихся в Декреталиях положений.

Третий раздел третьей главы посвящён нескольким сочинениям, не составившим отдельного компактного периода в католической критике лютеранской историко-церковной концепции, но заслуживающим включения в текст диссертации. Труды Дж. Муцио могут быть представлены как последняя попытка участия в межконфессиональной полемике, предпринятая непрофессионалом с использованием только гуманистического инструментария, что в конце XVI века выглядело заметным анахронизмом. Критика этого автора была направлена в основном против логических несоответствий в тексте «Магдебургских центурий» и следовала по пути, проложенному К. Брауном. Работы Ж. Женебрара по хронологии в данной диссертации завершают череду католических выступлений против «Центурий», хронологически предшествовавших «Церковным анналам» Ч. Баронио. Их популярность (в том числе – за пределами немецкоязычного мира), обилие переизданий как в эту, так даже и в более позднюю эпоху, свидетельствуют о важной роли этих текстов в западноевропейской

интеллектуальной жизни. Концепция Ж. Женебрара целиком находится во власти устаревших к концу XVI века представлений о шести эпохах всемирной истории и схеме четырёх монархий; к ним пристраивается сложная и также схематизированная картина событий, описанных в Ветхом Завете. В рамках межконфессиональной полемики роль трудов Ж. Женебрара заключалась в подключении к ней богатого, хотя зачастую неточного, хронологического материала.

Одним из крупнейших успехов католической стороны в полемике против лютеранской церковной историографии стала книга О. Панвинио «О первенстве Петра», написанная в 1567-68 годах, но принявшая участие в межконфессиональной полемике гораздо позже. Курия сочла уместным опубликовать её в 1589 году, через двадцать с лишним лет после смерти автора, уже после выхода в свет первого тома «Церковных анналов». Анализ содержания этой книги завершает третью главу диссертации.

Последняя, **четвертая глава** диссертации (**«Оформление католической историко-церковной концепции: «Церковные анналы» Ч. Баронио»**) посвящена крупнейшему сочинению католической стороны в межконфессиональной полемике XVI века в области церковной истории – «Церковным анналам». Первый раздел главы содержит биографию кардинала Баронио, а также сведения об обстоятельствах написания главного труда его жизни. Рассматривается вопрос о формах поддержки Курией его работы, о сочетании в организации работы коллективного и индивидуального начал. Обстоятельства работы помогают объяснить длительные сроки издания, а также большое количество переизданий, сделанных ещё по ходу работы над последующими томами книги.

Особый раздел главы отведён анализу паратекста «Церковных анналов», Как и в случае с «Магдебургскими центуриями», паратекст «Анналов» способен дать много важной информации относительно роли, отводившейся книге не только в межконфессиональной полемике, но и в создании долгосрочной католической историко-церковной концепции. Для

понимания концепции «Анналов» особенно важны замечания их автора о методе работы, а также о будущем содержании книги. Особенности распределения содержания работы между отдельными томами, а также другие особенности композиции характеризуют подход историка к созданию взгляда на историю, предназначенного для того, чтобы надолго лечь в основу идеологии Римской католической церкви.

Третий раздел главы представляет собственно концепцию «Церковных анналов», а также особенности метода исследования и экспозиции. Баронио, как и авторы «Магдебургских центурий», утверждал, что христианская церковь была полностью сформирована в Евангелиях, и Священное Писание представляет собой идеальный порядок вещей. Из этого следовало, однако, что все будущие институты церкви, положения догматики и прочее также получили там своё первое выражение. Ключевые понятия церкви, принципы её иерархической структуры, а главное, доктрина не подвергались никаким изменениям во времени. Используя на протяжении своего сочинения определённые термины, Баронио, в отличие от Флация и его товарищей, намеренно игнорирует изменение их содержания во времени. Концепция обрела статичность; это позволило автору «Анналов» сосредоточить усилия на событийной истории церкви.

«Церковные анналы» сыграли огромную роль в развитии исторического знания. Баронио расширил круг источников за счёт данных археологии и эпиграфики, а также привлёк для истории церкви информацию, содержащуюся в языческих сочинениях (центуриаторы их отвергли изначально). Были профессионально инструментализированы сочинения предшественников – Евсевия Кесарийского и других авторов. В «Анналах» нельзя было встретить характерных для «Центурий» резких идеологических выпадов или ярких эпитетов: тон книги внешне беспристрастен, обильно цитируются документы, стиль сочинения более «позитивен», носит отпечаток личности автора и даже некоторую художественность. Категорически была отвергнута гуманистическая привычка пересказа

документов с элементами стилистической элегантности: именно Баронио стал систематически цитировать источники так, как мы это делаем сегодня, не избегая пространного или даже полнотекстового цитирования. Баронио считал, что собранный им материал будет говорить сам за себя, а значит, можно соблюсти гораздо более привлекательную для читателя внешнюю беспристрастность. Колоссальный объем использованной Баронио информации был обоснованием претензии на объективность выводов при том, что на самом деле объективными они не были, поскольку сочинение имело острую полемическую направленность. Его концепция была антиисторична, поскольку подменяла идею живого развития (появление и отмирание традиций, элементов культа и т. д.) идеей трансформации уже заданных элементов путём, который имплицитно подаётся как единственно правильный. Несмотря на антиисторичность концепции, «Анналы» имели и прогрессивное значение. Огромный временной отрезок на обширном географическом пространстве был описан под единым углом зрения, связным текстом. Был очерчен круг дат и событийных линий, составивших содержание церковной истории с начала христианской эры до конца XII века. Отказ Баронио от изучения истории христианской догмы не только был закономерен, но и является обозначением начала новой тенденции к постепенному высвобождению церковной историографии из-под доминанции богословия.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования, в котором воссозданы сложные механизмы влияния межконфессиональной дискуссии на эволюцию западноевропейской церковной историографии XVI века. Западноевропейская церковная историография в XVI веке, очнувшись после долгой летаргии, не только возрождается, но выделяется в самостоятельную отрасль знаний. Она сочетает характеристики научной отрасли и сферы идеологической борьбы. В качестве первой она пережила глубокую трансформацию: интенсивный труд представителей разных дисциплин (богословов, философов, филологов-классиков) способствовал разработке

понятийного аппарата и утверждению на основе «локального метода» новых проблематик, задач и способов их решений. От церковной истории в конце XVI века не только ожидали ответов на вопросы о причинах и последствиях тех или иных событий, но и об их познаваемости, о роли тех или иных источников и доверии к их категориям, о методах и пределах исторического познания. Историей стали заниматься профессионалы, для которых написание научных трудов лишь венчало долгий путь, начинавшийся с освоения филологических, логических, богословских и других методов работы.

Межконфессиональная дискуссия, которую вели между собой лютеранские и католические учёные, сыграла важную роль в развитии церковной историографии, а также исторического знания в целом. Церковная историография в XVI веке была в высшей степени актуальной идеологической сферой. Тем не менее, развитие научного элемента способствовало постепенному снижению градуса политической остроты.

Несмотря на конфессиональную ангажированность, западноевропейская церковная историография вполне может быть признана прогрессивным явлением в развитии исторического знания. «Сужение» исследовательского поля относительно историографии Ренессанса было лишь кажущимся. В крупнейших произведениях церковной историографии история разных стран включались в глобальную историческую реконструкцию, в которой церковь выступала не только как религиозная данность, как сообщество верующих или как организация, но и как наднациональное глобализирующее начало. Историки церкви наполнили исторический процесс содержанием, которое до них оставалось за бортом исторических сочинений: христианское учение в его диахроническом развитии, изменения «длительной протяжённости» в тематике богословской литературы, систематическое описание географических пределов христианского мира и многое другое впервые попало на страницы книг. Литературные изыски ушли в прошлое – их сменила новая техника

организации гуманитарной информации (особенно в «Магдебургских центуриях»), простой, безыскусный рассказ с пересказом источников, в котором главным достоинством была буквальная точность, скрупулёзность толкований философских и богословских понятий, исторических реалий. Композиция новых сочинений определялась временем – текст всё чаще делился на части по векам или годам, а к концу исследуемого периода отслеживание эпох по именам правивших императоров стало данью традиции, формальностью. Череда пап, бывшая главным стержнем ренессансных церковных историй (фон Гуттен, Платина), теперь утратила самодостаточность и превратилась в один из вспомогательных способов организации исторического времени. «Церковь» в историографии XVI века стала более широким понятием, чем «папство», и теперь включала в себя и различные христианские конфессии, и учение, и даже арену борьбы Добра со Злом в различных интерпретациях (ереси, Восток и Запад, мусульманство, идеологические противники). История церкви эволюционировала в отдельную дисциплину, относящиеся к ней события и явления были очерчены, причём составили сюжет для очень масштабных произведений: ренессансная историография не знала таких крупных форм, как «Магдебургские центурии» или «Анналы». Тематика истории, напротив, расширилась: в неё теперь стали входить история христианского учения, церемониала, ход борьбы папства за главенство в христианском мире, борьба духовной власти против светской, история формирования церковной иерархии и прочее.

Важнейшим элементом новаторства стали разработанные в ходе межконфессиональной дискуссии новые методы систематизации и изложения материала. Оттолкнувшись от наработок учёных Второй схоластики, участники межконфессиональной полемики XVI века глубоко переосмыслили «локальный метод». В схеме «Магдебургских центурий» нашлось место для любого события истории христианского мира, для любой системы взглядов, для столкновения учений и споров, для различных

факторов длительной протяжённости от трансформации учения до изменения внешней стороны культа. Метод «Церковных анналов» позволил точнее описать многовековую трансформацию церкви как института, её изменение под влиянием требований времени. Благодаря достижениям гуманистической историографии и дальнейшему развитию их в церковно-исторических произведениях XVI века не нашлось места для модернизации истории. Наоборот, они показали сложный, драматический процесс глубоких перемен в обществе, сопровождаемый переменами в религиозных, политических, общественных институтах этого общества. Многовековая история христианского мира наполнилась драматизмом, напряжённостью, она балансировала между Гибелью и Спасением, между мощным натиском Зла и верой в будущую победу Добра. Отказ авторов «Магдебургских центурий» и большинства последующих участников межконфессиональной полемики от гуманистической риторики в изложении материала стал своего рода «отрицанием отрицания», означавшим выход на новый качественный уровень. Религиозное мировосприятие церковных историков XVI века не помешало им исследовать систематические проявления негативных тенденций в церковной истории, а главное – не стало препятствием на пути рационализации истории. Церковная историография XVI века стала первым в истории примером ведения глобальной научной полемики, в которой стороны от инвектив и оскорблений постепенно перешли к умению выслушивать оппонента и при помощи рациональных методов (а не религиозной аргументации) противопоставлять его аргументам свои. Навык диалога между идеологически непримиримыми сторонами стал важнейшим шагом вперёд в развитии знаний вообще и науки в частности. Значение межконфессиональной полемики XVI века значительно шире области собственно церковной истории; её вклад в эволюцию человеческого мышления и знания в целом является достаточным поводом для изучения её современными средствами светской исторической науки.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В XVI веке новые религиозные, политические, идеологические факторы выдвинули в авангард гуманитарных наук церковную историографию. Важность поднимавшихся в ходе межконфессиональной дискуссии проблем заставляла историков максимально широко использовать лучшие достижения исторического знания предшествующих эпох (критика источников, филологическая подготовка, хронология), а также разрабатывать новшества (в основном в области методологии и источниковедения, а также в систематизации и изложении исторического материала, организации труда историков и др.). Развитие церковной историографии, вызванное актуализацией её потенциала в рамках межконфессиональной полемики, повлекло за собой выдвижение истории на более высокую позицию в иерархии гуманитарных знаний.

2. Период 1530-40-х годов является важным подготовительным этапом глубоких перемен в церковной историографии. В эти годы было мобилизовано наследие предшествующих эпох в области церковной истории: были неоднократно переизданы классические тексты как позднеантичных историков, так и более поздних эпох. Всплеск общественного интереса к истории вообще и истории Церкви в частности доказывается ростом числа публикаций, появлением стереотипных изданий. Создаётся литература для массового читателя, направленная на удовлетворение спроса к сочинениям, не содержащим масштабных концепций, но охватывающим большие временные промежутки.

3. Важнейшим рубежом в развитии западноевропейской церковной историографии была публикация в 1559-74 гг. «Магдебургских центурий». Эта работа оказалась новаторской в различных смыслах – как концепция, метод сбора и обработки источников, способ систематизации материала, наконец, как финансовое предприятие. Этот труд стал началом бурной дискуссии, одним из ярчайших событий не только церковной историографии

XVI века, но и историописания вообще. После выхода «Магдебургских центурий» все последующие работы XVI века по церковной истории определяли свою конфессиональную принадлежность, поддерживая «Центурии» или стремясь их опровергнуть.

4. «Магдебургские центурии» дали толчок развитию не только протестантской, но и католической церковной историографии. Первые выступления историков католического лагеря были составлены «по горячим следам», носили следы спешки и не содержали масштабных концепций. Позднее подход Курии к межконфессиональной дискуссии был пересмотрен. В середине 1560-х годов католическая церковная историография вышла на качественно более высокий уровень, хотя в значительной мере сохранила преемственность с предшествующей традицией. Труды П. Канизия, Ф. Торреса и некоторых других историков служили достойным ответом «Магдебургским центуриям» в отдельных важных частях общей церковно-исторической концепции.

5. Новым рубежом в церковной историографии стало издание «Церковных анналов» (1588-1607) кардинала Ч. Баронио. Многотомный труд сыграл не меньшую по сравнению с «Центуриями» роль в становлении истории как науки и воплотил в себе все лучшие результаты гуманитарных наук своего времени. После выхода «Церковных анналов» инициатива в межконфессиональной полемике в историографии переходит к католической партии.

Апробация исследования. Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

Роль "Магдебургских цензур" в церковной историографии XVI века: новые исследования // *Диалог со временем*. — 2015. — Т. 51. — С. 372–381.

"Каталог свидетелей истины" Матиаса Флация как историческое сочинение // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. — 2015. — Т. 21, № 1. — С. 18–21. (0,7 п. л.)

Концепция недавнего прошлого в "Хронике древних христианских церквей" К. Хедио (1530) // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. — 2015. — № 1 (64). — С. 11–17. (0,8 п. л.)

Вальденсы в "Каталоге свидетелей истины" Матиаса Флация // *Вестник Томского государственного университета. История*. — 2014. — № 6 (32). — С. 110–114. (0,7 п. л.)

Историзм и локальный метод в трудах Томмазо Кампеджи 1554-1561 гг // *Диалог со временем*. — 2014. — Т. 49. — С. 89–107. (1,3 п. л.)

История для массового читателя в XVI веке: Хроника Христиана Эгенольфа // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. — 2014. — № 4. (0,7 п. л.)

Паратекст в "Каталоге свидетелей истины" М. Флация (1556) // *Ученые записки Орловского государственного университета*. — 2014. — № 5 (61). — С. 11–15 (0,7 п. л.).

Первая протестантская история Церкви: Хроника Каспара Хедио // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2014. — № 3. — С. 102–109. (0,7 п. л.)

Себастьян Франк как историк Церкви // *Вестник Томского государственного университета. История*. — 2014. — № 5 (31). — С. 98–102. (0,5 п. л.)

Магдебургские Центурии: замысел, авторы, организация работы // *Диалог со временем*. — 2013. — Т. 42. — С. 128–143. (1,5 п. л.)

Об интерпретации греческой и латинской библейской терминологии в "Магдебургских центуриях" // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2013. — № 4. — С. 48–55. (0,8 п. л.)

Учение о локусах и методология истории в XVI столетии // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. — 2011. — № 5, ч. 1. — С. 205–211. (0,7 п. л.)

Формирование национальной историографии в Неаполе эпохи Возрождения // *Средние века*. — 2011. — Т. 72, № 1-2. — С. 130–152. (1,2 п. л.)

Казус: индивидуальное и уникальное в истории // *Новая и новейшая история*. — 2000. — № 6. — С. 194–197. (0,5 п. л.)

Интеллектуалы Неаполя: Фаусто Николини, его друзья и герои // *Диалог со временем*. — 1999. — Т. 1. — С. 120-138. (1,8 п. л.)

Пьетро Джанноне и европейская республика учёных конца XVII – начала XVIII в // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. — 1996. — № 1. — С. 22-33. (1 п. л.)

Другие публикации:

"Магдебургские Центурии" и историографическая традиция Евсевия Кесарийского // *Люди и тексты. Исторический альманах. Античная традиция в исторической культуре западноевропейского средневековья*. — Институт Всеобщей истории РАН Москва, 2014. — С. 170–185. (1,2 п. л.)

Позднеантичные историко-церковные сочинения в книгопечатании середины XVI века // *Люди и тексты. Исторический альманах 2013. Историческое знание в контексте книжной культуры*. — ИВИ РАН Москва, 2014. — С. 152–182. (2,2 п. л.)

Власть как адресат исторического знания: посвящения в Магдебургских Центуриях (1559-1574) // *Образы власти в гуманитарных исследованиях*. — Нижний Новгород, 2013. — С. 200–204. (0,5 п. л.)

Библейские тексты как источник в Магдебургских Центуриях // *Люди и тексты. Исторический альманах*. — Москва, ИВИ РАН, 2012. — С. 244–277. (2,3 п. л.)

Локальный метод в Магдебургских Центуриях // Переходные периоды во всемирной истории: трансформации исторического знания. — Москва, ИВИ РАН, 2012. — С. 217–237. (2 п. л.)

История как точная наука: взгляд из XVI века // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. — Нижний Новгород, 2011. — С. 72–76. (0,5 п. л.)

Проблема метода в посттридентинской исторической дискуссии // Международная научная конференция Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого. — Москва, ИВИ РАН, 2011. (0,5 п. л.)

Европейская республика учёных: механизмы общения // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. — Москва, ИВИ РАН, 2001. — С. 69–102. (2,5 п. л.)

Программа Франко Вентури // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. — Москва, РАН, 1996. (1,2 п. л.)

Франко Вентури // Россия и Италия. Вып. 2. — Москва: Москва, 1996. (0,8 п. л.)

У истоков итальянского Просвещения: Пьетро Джанноне. М., 2000. (18 п. л.)

Джузеппе Мадзини: молодые годы. СПб., Алетейя, 2009. (22 п. л.)